

РИЧАРД
ДОКИНЗ

*Бог
как иллюзия*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Ричард Докинз

Бог как иллюзия

«Азбука-Аттикус»

2006

Докинз Р.

Бог как иллюзия / Р. Докинз — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-05381-6

Ричард Докинз – выдающийся британский ученый-этолог и популяризатор науки, лауреат многих литературных и научных премий. Каждая новая книга Докинза становится бестселлером и вызывает бурные дискуссии. Его работы сыграли огромную роль в возрождении интереса к научным книгам, адресованным широкой читательской аудитории. Однако Докинз – не только автор теории мемов и страстный сторонник дарвиновской теории эволюции, но и не менее страстный атеист и материалист. В книге «Бог как иллюзия» он проявляет талант блестящего полемиста, обращаясь к острейшим и актуальнейшим проблемам современного мира. После выхода этой работы, сегодня уже переведенной на многие языки, Докинз был признан автором года, по версии «Reader's Digest», и обрел целую армию восторженных поклонников и непримиримых противников. Споры не затихают. «Эту книгу обязан прочитать каждый», – считает британский журнал «The Economist». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-389-05381-6

© Докинз Р., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	11
Заслуженное уважение	11
Незаслуженное уважение	17
Глава вторая	22
Многобожие	23
Единобожие	26
Секуляризация, «отцы-основатели» и религия Америки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ричард Докинз

Бог как иллюзия

The God Delusion

Richard Dawkins

Copyright © 2006 by Richard Dawkins

All rights reserved

© Н. Смелкова, перевод, 2013

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается памяти Дугласа Адамса (1952–2001)

Неужели недостаточно, что сад очарователен; неужели нужно шарить по его задворкам в поисках фей?

Предисловие

В детстве моя жена ненавидела свою школу и изо всех сил мечтала перейти в другую. Много лет спустя, уже двадцатилетней девушкой, она с грустью призналась в этом родителям, глубоко шокировав мать. «Доченька, почему же ты нам тогда прямо не сказала?» Ответ Лаллы я хочу сегодня вынести на обсуждение: «Я не знала, что это мне можно».

Она не знала, что «это ей можно».

Подозреваю – нет, уверен, – что в мире существует огромное количество людей, воспитанных в лоне той или иной религии, и при этом они либо не чувствуют с ней гармонии, либо не верят в ее бога, либо их тревожит совершаемое во имя религии зло. В таких людях живет смутное желание отказаться от веры родителей, их тянет это сделать, но они не сознают, что отказ является реальной возможностью. Если вы принадлежите к числу подобных людей, эта книга – для вас. Ее задача – привлечь внимание к тому, что атеизм – действенное мировоззрение, выбор отважных, замечательных людей. Ничто не мешает человеку, будучи атеистом, быть счастливым, уравновешенным, глубоко интеллигентным и высокоморальным. Это первое, в чем я хочу вас убедить. Также хочу обратить ваше внимание еще на три фактора, но о них чуть позже.

В январе 2006 года я представлял на четвертом канале английского телевидения двухсерийный документальный фильм под названием «Корень всех зол?». Сразу хочу заметить, что название мне не понравилось. Религия вовсе не корень всех зол, потому что ничто не может быть корнем всех зол. Но меня растрогала размещенная четвертым каналом в национальных газетах реклама передачи. Поверх силуэта башен-близнецов на Манхэттене – надпись: «Представьте мир без религии». Какой здесь намек?

Вместе с Джоном Ленноном представьте мир без религии¹. Представьте: не было террористов-самоубийц, взрывов 11 сентября в Нью-Йорке, взрывов 7 июля в Лондоне, Крестовых походов, охоты на ведьм, «порохового заговора», раздела Индии, израильско-палестинских войн, истребления сербов, хорватов, мусульман; преследования евреев за «христубийство», североирландского «конфликта», «убийств чести», нет облаченных в сверкающие костюмы, трясущих гривами телевизионных евангелистов, опустошающих карманы доверчивых простаков («Отдайте все до нитки в угоду Господу»). Представьте: не было взрывающих древние статуи талибов, публичного отрубания голов богохульникам, кнотов, полосующих женскую плоть за то, что узкая ее полоска приоткрылась чужому взгляду. Между прочим, мой коллега Дезмонд Моррис рассказал, что замечательную песню Джона Леннона в Америке иногда исполняют, всячески коверкая фразу «нет никаких религий». А в одном варианте ее совсем уж нагло заменили на «есть лишь одна религия».

Но, может быть, вы полагаете, что атеизм не менее догматичен, чем вера, и более разумной позицией является агностицизм? В таком случае надеюсь переубедить вас главой 2, где утверждается, что принятая в качестве научной гипотезы о Вселенной гипотеза бога должна подвергаться такому же беспристрастному анализу, как и любые другие гипотезы. Возможно, вас уверили, что философы и теологи выдвинули достаточно убедительные доводы в защиту религии... В этом случае отсылаю вас к главе 3 – «Доказательства существования бога»; на проверку обнаруживается, что аргументы эти не ахти как сильны. Может, вы верите, что бог есть, потому что иначе откуда бы все взялось? Откуда появилась жизнь во всем ее богатстве и многообразии, где каждый вид выглядит так, словно его специально сотворили по плану? Если вы думаете именно так, надеюсь, вам удастся найти ответы в главе 4 – «Почему бога почти наверняка нет». Не прибегающая к идее создателя теория естественного отбора Дарвина

¹ Имеется в виду песня Джона Леннона *Imagine*. (Прим. ред.)

гораздо экономичней, она с неподражаемой элегантностью рассеивает иллюзию сотворения живых существ. И хотя теория естественного отбора не может разгадать все загадки биосферы, благодаря ей мы активнее продолжаем поиск сходных естественно-научных объяснений, способных в конце концов привести нас к пониманию природы Вселенной. Действенность естественно-научных объяснений, таких как теория естественного отбора, – это второй фактор, на который я хочу обратить внимание читателя.

Может, вы считаете, что бог или боги – это что-то неизбежное, потому что, если судить по работам антропологов и историков, верования составляли непреложную часть культур всех народов? Если вы находите этот довод убедительным, пожалуйста, прочитайте главу 5 «Корни религии», объясняющую причины повсеместного распространения верований. А может, вы полагаете, что религиозные убеждения необходимы для сохранения у людей твердых моральных устоев? Бог нужен, чтобы люди стремились к добру? Пожалуйста, ознакомьтесь с главами 6 и 7, где приводятся доводы, объясняющие, почему это не так. Может быть, отойдя от религии, лично вы продолжаете в глубине души считать, что вера в бога полезна для мира в целом? Глава 8 заставит вас задуматься, почему присутствие религии в мире, по сути, оказывается не таким уж благоприятным.

Если вы чувствуете, что увязли в религии, в которой вас воспитали, стоит задать себе вопрос, как это произошло. Скорее всего, веру внушили вам в детстве. Если вы религиозны, то более чем вероятно, что ваша вера совпадает с верой родителей. Если, родившись в Арканзасе, вы считаете, что христианство – истинная религия, а ислам – ложная, и если при этом вы сознаете, что, родись вы в Афганистане, ваши убеждения были бы прямо противоположными, то вы – жертва внушения. *Mutatis mutandis*² – если вы родились в Афганистане.

Вопрос влияния религии на детей рассматривается в главе 9; там же речь идет о третьем факторе, на который я хочу обратить ваше внимание. Подобно тому как феминистки морщатся, когда слышат «он» вместо «он или она», у каждого, на мой взгляд, должно возникать неловкое чувство от таких словосочетаний, как «ребенок-католик» или «ребенок-мусульманин». Можно, если вам угодно, говорить о «ребенке родителей-католиков», но если при вас упомянут «ребенка-католика», пожалуйста, остановите говорящего и укажите, что дети слишком малы, чтобы занимать осознанную политическую, экономическую или этическую позицию. Поскольку в мою задачу входит привлечь к данному вопросу как можно больше внимания, я не стану приносить извинения за то, что обращаюсь к нему дважды – здесь, в предисловии, и еще раз в главе 9. Это нужно повторять вновь и вновь. И я повторяю еще раз. Не «ребенок-мусульманин», а «ребенок родителей-мусульман». Ребенок слишком мал, чтобы понять, мусульманин он или нет. «Ребенка-мусульманина» в природе не существует. Так же, как не существует «ребенка-христианина».

Начинают и завершают книгу главы 1 и 10, каждая по-своему демонстрирует, как путем осознания гармонии природы можно выполнять, не превращая в культ, благородную задачу духовного облагораживания людей; задачу, которую исторически – но так неудачно – узурпировала религия.

Четвертый фактор, требующий внимания, – это гордость своими атеистическими убеждениями. Атеизм не повод для извинений. Напротив, им нужно гордиться, высоко держать голову, потому что атеизм практически всегда свидетельствует о независимом, здравом рассудке или даже о здоровом рассудке. Существует множество людей, сознающих в глубине души, что они – атеисты, но не решающихся признаться в этом своим семьям, а порой и самим себе. Отчасти это происходит потому, что само слово «атеист» упорно использовалось в качестве жуткого, пугающего ярлыка. В главе 9 приводится трагикомическая история о том, как

² С соответствующими изменениями (*лат.*).

родители актрисы Джулии Суини узнали из газет о том, что она стала атеисткой. Неверие в бога они еще могли бы снести, но атеизм! АТЕИЗМ! (Голос матери срывается на крик.)

Хочу кое-что добавить, в особенности для американских читателей, потому что уровень религиозности в Америке нынче поистине ошеломляет. Юрист Уэнди Каминер заметила, не слишком преувеличивая, что шутить над религией сейчас почти так же опасно, как жечь национальный флаг в штаб-квартире организации Американского легиона³. Положение атеистов в современной Америке можно сравнить с положением гомосексуалистов пятьдесят лет назад. В настоящее время благодаря усилиям движения «Гордость геев» гомосексуалистам удается, хотя и с трудом, избираться на общественные должности. В ходе опроса общественного мнения, проведенного в 1999 году группой «Галлап», американцам задавали вопрос, проголосуют ли они за вполне достойного кандидата, если этот кандидат – женщина (утвердительно ответили 95 процентов), католик (утвердительно ответили 94 процента), еврей (утвердительно ответили 92 процента), чернокожий (утвердительно ответили 92 процента), мормон (утвердительно ответили 79 процентов), гомосексуалист (утвердительно ответили 79 процентов) или атеист (утвердительно ответили 49 процентов). Как видите, работы еще непочатый край. Но атеистов гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, особенно среди образованной элиты. Так было уже в XIX веке, что позволило Джону Стюарту Миллю заявить: «Мир изумился бы, если бы узнал, как много самых блестящих личностей, самых выдающихся, даже в глазах рассудительных и благочестивых обывателей, людей проявляют полный скептицизм по отношению к религии».

В наше время это еще более верно, доказательства чего я привожу в главе 3. Атеистов часто не замечают, потому что многие из нас стесняются признаваться в своем атеизме вслух. Очень хочется надеяться, что моя книга поможет таким людям заявить о себе. Аналогично тому, как случилось в гей-движении, чем больше людей громко заявят о своих взглядах, тем легче будет это сделать другим. Для начала цепной реакции нужна критическая масса.

Согласно американским опросам, количество атеистов и агностиков в стране значительно превышает количество религиозных евреев и даже количество членов большинства других религиозных групп. Однако, в отличие от евреев, которые, как широко известно, являются в США одной из самых эффективно действующих политических кулуарных группировок, и в отличие от евангельских христиан, обладающих еще большей политической властью, атеисты и агностики не организованы и поэтому практически не имеют реального голоса. Усилия по организации атеистов сравнивают с попытками согнать в стаю кошек – потому что и те и другие привыкли мыслить самостоятельно и не приспособиваться к воле вышестоящих. Тем не менее было бы хорошо для начала создать критическую массу явных атеистов, к которой смогут присоединиться остальные. Даже если кошек невозможно согнать в стаю, они, когда их много, способны наделать немало шума и игнорировать их будет не так-то легко.

Вынесенное в заголовок книги слово «иллюзия» отсылает к термину «навязчивая иллюзия», что вызвало возражения некоторых психиатров, использующих его в работе и не желающих видеть в другом контексте. Я получил три письма, в которых врачи предлагали мне для обозначения религиозной иллюзии специальный научный термин «реллюзия»⁴. Может, он и войдет в обиход, не знаю. Но пока, поскольку я намереваюсь использовать слово «иллюзия» именно в таком смысле, этому выбору нужно дать объяснение. В словаре английского языка издательства «Пингвин» «навязчивой иллюзией» называется «ложная вера или впечатление». Интересно, что пример выбран из книги Филиппа Э. Джонсона: «Дарвинизм – это история освобождения человечества от навязчивой иллюзии, будто его судьбу решает превосходящая его

³ Wendy Kaminer. *The last taboo: why America needs atheism*. New Republic, 14 Oct. 1996; <http://www.positiveatheism.org/writ/kaminer.htm>.

⁴ Д-р Зои Хокинз, д-р Беата Адамс и д-р Пол Ст. Джон Смит, личное сообщение.

сила». Неужели это тот же самый Филип Э. Джонсон, который сегодня возглавляет в Америке выступления креационистов против Дарвина? Да, тот самый, а цитата, как можно догадаться, вырвана из контекста. Надеюсь, упоминание мною этого факта заметят мои оппоненты, поскольку сами они частенько отказывают мне в подобной любезности, намеренно цитируя в креационистской литературе бессмысленно вырванные из моих работ куски. С какой бы целью ни писал Джонсон эту фразу изначально, я готов под ней подписаться в том виде, в каком она представлена. Встроенный в программу *Microsoft Word* словарь определяет «навязчивую иллюзию» как «упорное верование вопреки убедительным доказательствам противного, особенно – симптом психического расстройства». Первая часть определения вполне применима к религии. Что же касается психического расстройства, то я склонен согласиться с Робертом М. Пирсигом, автором книги «Дзен и искусство починки мотоциклов», заявившим: «Когда навязчивые иллюзии появляются у одного человека, это сумасшествие. Когда они появляются сразу у многих, это религия».

Если бы моя книга работала так, как мне хочется, то верующие читатели, дочитав ее до конца, закрывали бы ее уже атеистами. Какой наивный оптимизм! Закоснелые верующие не воспринимают доводы разума; иммунитет к сомнениям вырабатывался у них с детских лет при помощи внушений, мастерски отточенных (эволюцией ли, волей ли создателей) за века. Одним из наиболее действенных иммунных средств является нежелание даже открывать подобные книги, которые, несомненно, являются делом рук дьявола. Но хочется верить, что, помимо них, существует немало восприимчивых людей, тех, кого в детстве, возможно, обрабатывали не так настойчиво; либо не ушедших с головой в религию по какой-то другой причине; либо от природы достаточно смывленных, чтобы преодолеть насаждаемые извне доктрины. Таким свободолобивым умам требуется лишь небольшой толчок, чтобы они целиком порвали с религиозным дурманом. Ну и наконец, надеюсь, что по крайней мере никто из читателей данной книги в будущем не посетует: «А я не знал, что это можно».

В работе над книгой мне помогали многие друзья и коллеги. Не могу упомянуть всех, но в их числе – прочитавшие ее с чутким вниманием и посодействовавшие мне как критикой, так и советом: мой литературный агент Джон Брокман, редакторы Салли Гаминара (издательство «Трансворлд») и Имон Долан (издательство «Хугтон Миффлин»). Их сердечная, полная энтузиазма вера в мой труд стала для меня огромной поддержкой. Джиллиан Самерскейлз выполнила, внося конструктивные предложения и необходимые поправки, замечательную редакторскую работу. Также я очень благодарен за поправки, внесенные на разных стадиях Джерри Койном, Дж. Андерсоном Томсоном, Р. Элизабет Корнуэлл, Урсулой Гуденоу, Латой Менон и особенно невероятно одаренным критиком Карен Оуэнс, изучившей – не хуже меня самого, до последней запятой – каждый из черновых вариантов.

Появлению этой книги немало способствовал (как и книга – его созданию) упомянутый мной двухсерийный документальный фильм «Корень всех зол?», показанный по четвертому каналу английского телевидения в январе 2006 года. Я благодарен всем принявшим участие в его подготовке, включая Дебору Кидд, Рассела Барнса, Тима Крэгга, Адама Прескода, Алана Клеменса и Хамиша Микуру. Выражаю благодарность компаниям *IWC Media* и «Четвертый канал» за разрешение использовать цитаты из него. В Великобритании фильм «Корень всех зол?» прошел с большим успехом; его также транслировала Австралийская корпорация телевидения. Остается только ждать, осмелится ли его показать какой-либо из американских телевизионных каналов⁵.

⁵ Нелегальные копии часто загружают с многочисленных американских веб-сайтов. В настоящее время идут переговоры о выпуске и рекламе легальных компакт-дисков. На момент выхода этого издания из печати переговоры еще не были закончены, см. новости на сайте www.richarddawkins.net. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. автора.)

Книга зрела у меня в уме в течение нескольких лет. Безусловно, за это время часть идей попадала в лекции, например в мои выступления на Тэннеровских чтениях в Гарварде, в газетные и журнальные статьи. В частности, читателям моей постоянной рубрики в «Свободной мысли» некоторые фрагменты могут показаться довольно знакомыми. Не могу не выразить признательность Тому Флинну, редактору этого замечательного журнала, за тот стимул, который я приобрел, получив регулярную рубрику. Закончив эту книгу, надеюсь ее продолжить после короткого перерыва и тогда, несомненно, смогу ответить на поступающие от читателей комментарии.

По целому ряду причин я также хочу сказать спасибо Дэну Деннету, Марку Хаузеру, Майклу Стиррату, Сэму Харрису, Хелен Фишер, Маргарет Доуни, Ибн Варраку, Гермione Ли, Джулии Суини, Дэну Баркеру, Джозефине Велш, Иану Бейду и особенно Джорджу Скейлзу. В наше время подобная книга не может считаться завершенной, если вокруг нее не возникнет активного веб-сайта, содержащего дополнительные материалы, отклики, дискуссии, вопросы и ответы, – кто знает, что день грядущий нам готовит? Надеюсь, что сайт www.richarddawkins.net/, веб-сайт Фонда разума и науки Ричарда Докинза, окажется именно таким; и хочется поблагодарить Джоша Тимонена за профессионализм, творческий подход и огромный труд по его созданию.

И наконец, хочу сказать спасибо моей жене Лалле Вард, которая помогла мне преодолеть сомнения и колебания и не только поддерживала морально, снабжала остроумными предложениями и находками, но вдобавок дважды за время работы над книгой прочла мне ее вслух, чтобы я мог оценить, как будет воздействовать текст на потенциального читателя. Рекомендую всем авторам использовать этот прием, хотя хочу предупредить, что лучше всего внимать профессиональной актрисе с ухом и голосом, тонко настроенными на музыку языка.

Глава первая

Глубоко религиозный безбожник

Я не пытаюсь вообразить Бога как личность; мне достаточно изумительной структуры мироздания, насколько наши несовершенные органы чувств могут ее воспринять.

Альберт Эйнштейн

Заслуженное уважение

На траве, опустив подбородок на сложенные руки, растянулся мальчишка. В переплестении стеблей и корней ему неожиданно открылись удивительные миниатюрные джунгли, населенные муравьями, жуками и даже – хотя в то время он еще этого не знал – миллиардами почвенных бактерий, беззвучно и незаметно питающих экономику микромира. Любознательный ум мальчика силился постигнуть сущность скрытого в траве крошечного леса, растущего, казалось, на глазах, готового сравниться со Вселенной. Это переживание пробудило в ребенке религиозные чувства, и со временем он стал священником. Получив сан в англиканской церкви, он работал капелланом в моей школе и был одним из моих любимых учителей. И если сегодня никто не может сказать, что меня насильно пичкали религией, то это благодаря таким, как он, просвещенным, либеральным священникам⁶.

В другое время и в другом месте я сам был таким же мальчишкой: меня потрясало созерцание Ориона, Кассиопеи и Большой Медведицы, до слез трогала беззвучная музыка Млечного Пути, кружили голову ароматы африканских плюмарий и бьюмонтий. Трудно сказать, почему одни и те же эмоции увлекли нашего школьного капеллана в одну сторону, а меня – совершенно в другую. Среди ученых и рационалистов нередко встречаешь полумистические чувства по отношению к природе и Вселенной, но они никоим образом не связаны с верованиями в сверхъестественное. Думаю, что в детстве нашему капеллану (так же, как и мне) не были известны заключительные строки «Происхождения видов» – знаменитый фрагмент о «густо заросшем берегу, покрытом многочисленными, разнообразными растениями», «с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми и копошащимися в мокрой земле червями». Попадись они ему на глаза, непременно запали бы в душу, и, возможно, вместо библейских объяснений, мальчик вслед за Дарвином убедился бы в том, что все возникло «благодаря господствующим вокруг законам»:

Так вот, из происходящей в природе борьбы, из голода и смерти, непосредственно возникает величайший результат, какой ум в состоянии представить: появление высших животных. Какое величие в этом взгляде на жизнь, которая во всем своем многообразии первоначально затеплилась в одной или нескольких формах; между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

⁶ Во время уроков мы забавы ради пытались отвлечь его от Священного Писания просьбами рассказать об истребительной авиации и группе летчиков, защищавших Лондон от фашистских бомбардировщиков. В войну он служил в Королевских воздушных силах и позднее с долей теплоты, которую я продолжаю испытывать к англиканской церкви (по крайней мере, по сравнению с ее конкурентами), я узнавал его в стихотворении Джона Бетджемена: Наш падре – бывший летчик-истребитель, И, хоть крылья порядком сдали, По-прежнему стяг в его обители Указует на горние дали...

В книге «Голубое пятнышко» Карл Саган писал:

Как получилось, что ни в одной из популярных религий ее последователи, попристальней присмотревшись к науке, не заметили: «Так все, оказывается, гораздо лучше, чем мы думали! Вселенная намного больше, чем утверждали наши пророки, – величественнее, элегантнее, сложнее»? Вместо этого они бубнят: «Нет, нет и нет! Пусть мой бог и невелик – меня он и таким устраивает». Религия – не важно, старая или новая, – прославляющая открытое современной наукой величие Вселенной, вызывала бы восторг и почтение, которое и не снилось традиционным культам.

Все труды Сагана – о монополизированном религией в течение последних столетий чувстве удивления. Я в своих книгах пытаюсь добиться того же. И по этой причине меня часто называют глубоко религиозным человеком. Я получил письмо от одной американской студентки, спросившей своего профессора, что он обо мне думает. Тот ответил: «Его позитивистская наука с религией несовместима, но он самозабвенно поет дифирамбы природе и Вселенной. Я считаю, что это – религия!» Однако прав ли он? Вряд ли. Нобелевский лауреат, физик (и атеист) Стивен Вайнберг в книге «Мечты об окончательной теории» высказался об этом как нельзя лучше:

Некоторые используют слово «бог» настолько широко и щедро, что неизбежно находят бога везде, куда бы ни взглянули. Нередко слышишь фразы: «Бог – совокупность всего», «Бог – лучшая часть человеческой природы», «Бог – это Вселенная». Безусловно, слову «бог», как и всякому другому, можно придать любое желаемое значение. Если вам угодно провозгласить, что бог – это энергия, вы найдете бога и в куске угля.

Разумеется, Вайнберг прав, и, чтобы слово «бог» не утратило полностью своего значения, необходимо использовать его лишь в том смысле, в каком люди обычно его понимают: для обозначения сверхъестественного создателя, которого «можно превозносить».

К сожалению, возникает много недоразумений, когда веру в сверхъестественное существо путают с тем, что можно определить как «эйнштейновская» религия. Эйнштейн время от времени говорил о боге (и он не единственный из ученых-атеистов, кто делал это); его высказывания подвергаются неверному толкованию сторонниками сверхъестественного, жаждущими принять желаемое за действительное и залучить в свой лагерь такого выдающегося мыслителя. Широко известно ложное толкование торжественной (или лукавой?) заключительной фразы из книги Стивена Хокинга «Краткая история времени»: «И тогда мы прочтем мысли бога». Некоторые – ошибочно, конечно, – поверили, что Хокинг верит в бога. Биолог Урсула Гудену в книге «Священные загадки природы» использует еще более религиозные метафоры, чем Хокинг или Эйнштейн. Ей импонируют церкви, мечети, храмы, и многие цитаты из ее книги, использованные вне контекста, легко могут быть взяты на вооружение адептами веры в сверхъестественное. Гудену даже называет себя «верующим натуралистом». Однако при внимательном прочтении книги выясняется, что она не менее убежденный атеист, чем я сам.

«Натуралист» – понятие расплывчатое. У меня оно вызывает в памяти любимого детского героя доктора Дулитла из книжки Хью Лофтинга (который, кстати, имеет довольно много общего с «философствующим» натуралистом, который путешествует на корабле ее величества «Бигль»⁷). В восемнадцатом и девятнадцатом столетиях слово «натуралист» означало то же, что оно означает для нас и сегодня: человек, изучающий естественные науки. Такими натуралистами, начиная с Гилберта Уайта и далее, часто были служители религии. И сам Дарвин в молодости собирался стать священником, полагая, что необременительная жизнь сельского

⁷ Отсылка к книге Чарльза Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“». (Прим. ред.)

пастора позволит ему беспрепятственно предаться страсти к изучению жуков. Философы, однако, используют термин «натуралист» в совершенно ином смысле, а именно – как противоположность «стороннику сверхъестественного». Джулиан Баггини в книге «Атеизм. Краткое введение» так объясняет склонность атеистов к натурализму: «Большинство атеистов полагают, что хотя во Вселенной присутствует только одна имеющая физическую природу субстанция, она порождает мысли, чувство прекрасного, эмоции, моральные ценности – в общем, всю сумму обогащающих человеческую жизнь явлений».

Мысли и эмоции людей возникают из невероятно сложных взаимодействий физических элементов мозга. По философскому определению атеист – это человек, считающий, что за границами естественного, физического мира ничего не существует; за кулисами обозреваемой Вселенной нет никакого сверхъестественного разумного творца, душа не переживает тело, и чудеса – помимо еще не объясненных природных явлений – не происходят сами собой. Если случается событие, выходящее, казалось бы, в нашем теперешнем, ограниченном понимании мира за рамки естественного, мы надеемся со временем найти разгадку и включить его в ряд природных явлений. Радуга не теряет своей прелести оттого, что мы научаемся разделять ее на цвета спектра⁸.

Великие ученые нашего времени, верующие на первый взгляд, оказываются, как правило, далеко не религиозными, стоит пристальней рассмотреть их убеждения. Это, без сомнения, можно сказать об Эйнштейне и Хокинге. Нынешний Королевский астроном и президент Королевского общества Мартин Риз сказал мне, что ходит в церковь как «неверующий англиканец... чтобы не отрываться от общества». В бога он не верит, но, подобно многим ученым, исповедует уже упоминавшийся мною поэтический натурализм. Недавно во время телевизионных дебатов я призвал своего друга, почтенного представителя британского еврейства, гинеколога Роберта Уинстона признать, что его иудаизм носит именно такой характер и что на самом деле он не верит ни во что сверхъестественное. Он почти сознался, но увернулся в последний момент (честно говоря, это он должен был интервьюировать меня, а не наоборот⁹). Я продолжал настаивать, и он сказал, что иудаизм помогает ему дисциплинировать себя, организовывать распорядок жизни и стремиться к добру. Может быть, и так, но это, конечно, никоим образом не оправдывает религиозные заявления сверхъестественного плана. В мире есть множество интеллектуалов-атеистов, продолжающих гордо именовать себя иудеями и соблюдать иудейские обычаи; некоторые делают это из уважения к древним традициям, некоторые – в память о погибших предках, а многие с готовностью называют «религией» испытываемый ими – вспомним известнейший пример Альберта Эйнштейна – пантеистический восторг, и это серьезно запутывает ситуацию. Они не верят в бога, но, говоря словами Дэна Деннета, «верят в веру»¹⁰.

Наиболее часто цитируют следующую фразу Эйнштейна: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа». Но Эйнштейн также сказал:

То, что вы читали о моих религиозных убеждениях, – это, конечно, ложь – ложь, которая навязчиво повторяется. Я не верю в персонифицированное божество и никогда этого не отрицал, а всегда ясно об этом говорил. Если во мне и есть что-то, что можно назвать религиозным, то это – безграничное восхищение структурой мироздания, насколько наша наука может ее постичь.

⁸ Докинз намекает на свою книгу «Расплетая радугу», в которой он доказывает, что благодаря научному познанию окружающий мир не блекнет, а лишь приобретает еще больше красоты и поэзии. (Прим. ред.)

⁹ Интервью входило в документальный телефильм, на основе которого была выпущена книга (Winston, 2005).

¹⁰ Dennett (2006).

Не кажется ли вам, что Эйнштейн противоречит себе? Что из его высказываний можно надергать цитат в поддержку обеих сторон дискуссии? Нет. Под «религией» Эйнштейн подразумевал не совсем то, что обычно обозначается этим словом. И если продолжить мои пояснения относительно различий между сверхъестественными религиями, с одной стороны, и эйнштейновской религией – с другой, то, пожалуйста, имейте в виду, что я считаю заблуждением только сверхъестественных богов.

Приведу еще несколько цитат из Эйнштейна, чтобы лучше показать, в чем заключается его религия:

Я – глубоко религиозный безбожник. Можно сказать, что это своего рода новая религия.

Я никогда не приписывал Природе никакой цели, преднамеренного стремления или чего-либо, чему можно дать антропоморфическое толкование. Природа – величественное здание, которое мы в состоянии постичь очень неполно и которое возбуждает в душе мыслящего человека чувство скромного смирения. Это поистине благоговейное чувство с мистицизмом ничего общего не имеет.

Идея персонифицированного божества никогда не была мне близка и кажется довольно наивной.

После смерти Эйнштейна апологеты религии по понятным причинам пытаются залучить его в свой лагерь. Однако верующие современники воспринимали его совсем по-другому. В 1940 году Эйнштейн опубликовал знаменитую статью, в которой разъяснял свое заявление «Я не верю в персонифицированное божество...». Это и аналогичные утверждения вызвали шквал писем от сторонников традиционных верований, многие из которых взывали к еврейскому происхождению Эйнштейна. Приводимые ниже цитаты взяты из книги Макса Джаммера «Эйнштейн и религия» (по которой я также в основном цитирую слова самого Эйнштейна, отражающие его взгляды на религию).

Католический епископ из Канзаса заявляет: «Очень грустно видеть, как человек, принадлежащий к народу Ветхого Завета и его учений, отрицает великую традицию своей нации».

Его поддерживает другой католический священник: «Нет никакого другого бога, кроме персонифицированного бога... Эйнштейн не понимает того, о чем говорит. Он целиком и полностью заблуждается. Некоторые думают, что, достигнув ученых высот в какой-либо науке, они получают право высказывать мнение по всем вопросам». Здесь нужно рассмотреть, действительно ли религия является такой сферой, в которой можно претендовать на обладание экспертным мнением. Ведь данный священник вряд ли стал бы считаться с мнением ученого-«фейолога» – специалиста по точной форме и цвету крылышек фей. И он и епископ решили, что, поскольку Эйнштейн не получил богословского образования, он неверно понял природу бога; но Эйнштейн, наоборот, отлично сознавал, что именно он отрицает.

Представляющий некий экуменический союз американский юрист-католик написал Эйнштейну:

Мы глубоко сожалеем, что Вы сделали подобное заявление... высмеивающее идею персонифицированного бога. За последние десять лет не появилось ничего более изоциренного, чем Ваше заявление, убеждающее людей в том, что у Гитлера имелись определенные причины высылать евреев из Германии. Даже принимая во внимание Ваше право на свободу слова, я тем не менее утверждаю, что Ваше заявление делает Вас одним из самых серьезных источников раздоров в Америке.

Нью-йоркский рабби сказал: «Безусловно, Эйнштейн является великим ученым, но его взгляды диаметрально противоположны иудаизму».

«Но»? Почему «но»? Почему не «и»?

Президент Исторического общества Нью-Джерси написал письмо, настолько очевидно обнаруживающее слабость религиозного ума, что его стоит перечитать дважды:

Мы уважаем Ваши познания, д-р Эйнштейн, однако Вы, по-видимому, не постигли одного, а именно что Бог – это дух и его так же невозможно обнаружить при помощи телескопа или микроскопа, как невозможно, анализируя мозг, найти человеческие мысли или эмоции. Широко известно, что религия основана на вере, а не на знаниях. Возможно, у каждого думающего человека возникают порой минутные сомнения в существовании Бога. Моя собственная вера смущалась не однажды. Но я никогда никому не рассказывал о своих духовных колебаниях по двум причинам: 1) я боялся, что, возможно, самим фактом высказывания своих сомнений я нарушу и погублю жизнь и надежды другого человеческого существа; 2) потому что я согласен с писателем, который сказал: «В человеке, разрушающем веру другого, есть что-то злое...» Я надеюсь, д-р Эйнштейн, что Вас просто неправильно процитировали и что Вы скажете что-либо более приятное огромному количеству горячо почитающих Вас американцев.

Как откровенно разоблачает себя здесь автор! Каждая фраза пропитана интеллектуальной и моральной трусостью.

Менее жалким, но более шокирующим было письмо основателя Ассоциации молебельного дома Голгофы из Оклахомы:

Профессор Эйнштейн, я верю, что каждый американский христианин ответит Вам: «Мы не откажемся от своей веры в нашего Бога и Сына Его Иисуса Христа, а если Вы не разделяете вероисповедания народа этой страны, то можете убраться, откуда приехали». Я делал все возможное, восхваляя Израиль, а тут появились Вы и одной-единственной фразой из своих богохульных уст сумели свести на нет все попытки любящих Израиль христиан избавиться в нашей стране от антисемитизма. Профессор Эйнштейн, каждый американский христианин немедленно ответит Вам: «Либо отправляйтесь вместе со своей идиотской, лживой теорией эволюции обратно в Германию, откуда Вы приехали, либо прекратите попытки лишить веры людей, приютивших Вас, когда Вам пришлось бежать из родной страны».

Все эти религиозные критики верно поняли одну вещь: Эйнштейн не был одним из них. Он неоднократно возмущался, когда его зачисляли в теисты. Может, он был деистом, как Вольтер и Дидро? Или пантеистом, как Спиноза, философией которого он восхищался: «Я верю в бога Спинозы, проявляющего себя в упорядоченной гармонии окружающего мира, а не в бога, занимающегося судьбами и делами отдельных людей»?

Уточним еще раз терминологию. Теист верит в сверхъестественный разум, который, помимо своей главной работы по первоначальному творению Вселенной, продолжает находиться в ней, чтобы наблюдать за дальнейшей судьбой своего творения и оказывать на нее воздействие. Во многих теистических системах божество глубоко вовлечено в людские деяния. Оно отвечает на молитвы, прощает или наказывает грехи, совершая чудеса, вмешивается в ход событий, печется о хороших и дурных деяниях и знает, когда мы их совершаем (или даже помышляем совершить). Деист также верит в сверхъестественный разум, но деятельность этого разума ограничена созданием законов, определяющих развитие и работу Вселенной. Далее деистический бог в ход мироздания не вмешивается, и уж конечно он не заинтересован в делах людей. Пантеисты совсем не верят в сверхъестественного бога; они используют термин «бог»

в качестве не имеющего сверхъестественной нагрузки синонима природы, или Вселенной, или проявляющейся в ее работе гармонии. Деисты отличаются от теистов тем, что их бог не отвечает на молитвы, не интересуется грехами и исповедями, не читает наши мысли и не вмешивается в жизнь, совершая по своему усмотрению чудеса. Деисты отличаются от пантеистов тем, что деистический бог представляет собой своего рода космический разум, а не метафорический или поэтический синоним вселенской гармонии. Пантеизм – это приукрашенный атеизм. Деизм – сильно разжиженный теизм.

Имеются все основания считать, что знаменитые изречения Эйнштейна типа «Бог изощрен, но не зловреден», или «Бог не играет в кости», или «Был ли у бога выбор, когда он создавал Вселенную?» являются пантеистическими, а не деистическими и уж никак не теистическими. «Бог не играет в кости» нужно понимать как: «Сущность мироздания не базируется на случайности». «Был ли у бога выбор, когда он создавал Вселенную?» подразумевает: «Могла ли Вселенная образоваться каким-либо другим путем?» Эйнштейн использовал термин «бог» чисто в метафорическом, поэтическом смысле. Так же, как Стивен Хокинг и большая часть других физиков, время от времени прибегающих к языку религиозных метафор. Книга Пола Дэвиса «Рассудок бога» обитает где-то посередине между пантеизмом Эйнштейна и сложной формой деизма – и за нее он получил премию Темплтона (очень крупный денежный приз, ежегодно присуждаемый фондом Темплтона ученому, готовому, как правило, сказать что-нибудь приятное о религии).

Давайте подведем итог эйнштейновской религии еще одной цитатой из самого Эйнштейна: «Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чьи красота и совершенство доходят до нас лишь в виде отраженного слабого отзвука, – *это* и есть религиозность. В *этом* смысле я религиозен». В этом смысле я тоже религиозен, с той поправкой, что «непостижимое» не означает «закрытое для постижения». Но я предпочитаю не называть себя религиозным, ибо это приводит к неправильному пониманию. Такое неверное понимание вредно, ибо для большинства людей «религия» означает веру в сверхъестественное. Об этом хорошо сказал Карл Саган: «...если под „богом“ подразумеваются физические законы Вселенной, то, безусловно, такой бог есть. Этот бог не удовлетворяет человеческие эмоциональные потребности... молиться закону всемирного тяготения глупо».

Интересно, что последнее замечание Сагана в 1940 году предвосхитил профессор Американского католического университета его преподобие доктор Фултон Дж. Шин в своих яростных нападках на Эйнштейна за его отказ от персонифицированного бога. Шин саркастически вопрошал, найдутся ли желающие отдать жизнь за Млечный Путь. По-видимому, он полагал, что приводит аргумент против позиции Эйнштейна, а не в ее поддержку, поскольку далее следует: «В его космической религии есть одна ошибка – попавшая в название лишняя буква „с“». Трудно найти в убеждениях Эйнштейна комическое, однако мне хотелось бы, чтобы физики перестали использовать термин «бог» в метафорическом смысле. Метафорический, или пантеистический, бог физиков колоссально далек от вездесущего, чудотворного, читающего мысли, наказывающего за грехи и внимающего молитвам бога Библии, священников, мулл, раввинов и простых прихожан. По-моему, смешение этих двух понятий аналогично интеллектуальной измене.

Незаслуженное уважение

В названии книги – «Бог как иллюзия» – я не имею в виду бога Эйнштейна и бога других упомянутых в предыдущем разделе выдающихся ученых. Именно поэтому нужно было поговорить об эйнштейновской религии в первую очередь, чтобы дальше ее не касаться: известно, что этот вопрос частенько запутывает дискуссии. В следующих главах я буду говорить только о сверхъестественных богах, из которых большинству моих читателей наиболее известен Яхве, бог Ветхого Завета. Мы поговорим о нем подробнее чуть ниже. Но прежде чем закончить вступительную главу, необходимо коснуться еще одного вопроса, без обсуждения которого может спутаться идея всей книги. На этот раз я говорю о хороших манерах. Возможно, религиозных читателей обидят мои высказывания; возможно, им покажется, что я испытываю недостаточно уважения к их личным верованиям (либо к верованиям других). Было бы жаль, если бы такая обида помешала им дочитать книгу до конца, поэтому я хочу обсудить этот вопрос здесь, в самом начале.

Широко бытует принятое в нашем обществе почти всеми, включая неверующих людей, мнение, что религиозные верования особенно легко оскорбить и поэтому их нужно окружать исключительно деликатным обращением, на порядок превышающим традиционное уважение, которое любой человек должен высказывать окружающим. Незадолго до смерти Дуглас Адамс так хорошо сказал об этом в импровизированном выступлении, что не могу удержаться, чтобы не повторить здесь его слова¹¹:

Сущность религии... заключается в наборе идей, называемых священными, заветными и тому подобное. При этом имеют в виду следующее: «Вот идея или мнение, и про них нельзя говорить ничего плохого – нельзя, и точка». – «Почему нельзя?» – «Потому что!» Если кто-то голосует за партию, с платформой которой вы не согласны, вы можете спорить об этом сколько душе угодно; каждый из вас будет отстаивать свою точку зрения, но никто при этом не обидится. Если кто-то считает, что нужно увеличить или уменьшить налоги, это можно сделать предметом дискуссии. С другой стороны, когда кто-то заявляет: «Мне нельзя по субботам нажимать на выключатель», мы говорим: «Конечно-конечно, я понимаю».

Почему мы имеем полное право поддерживать лейбористов или консерваторов, республиканцев или демократов, ту или иную экономическую модель, «Макинтош» или «Виндоуз» – но иметь собственное мнение о возникновении Вселенной, о том, кто ее создал... нельзя, это священо?.. У нас уже вошло в привычку не бросать вызов религиозным идеям, но смотрите, какой поднялся переполох, когда Ричард это сделал! Все просто разъярились, потому что такие вещи говорить не положено. Но, глядя на вещи трезво, нет иных причин не делать этого, кроме устоявшейся привычки не обсуждать эти идеи так же открыто, как и все остальные.

Вот вам конкретный пример чрезмерного почтения, проявляемого обществом в отношении религиозных верований. В военное время самым простым способом отказаться от исполнения воинской повинности по убеждениям является ссылка на религиозные убеждения. Будь вы выдающийся философ-моралист, напиши вы блестящую докторскую об ужасах войны, вам придется-таки попотеть, убеждая призывную комиссию, что вы не можете держать в руках оружие по этическим соображениям. Но стоит заикнуться о том, что один или оба ваших родителя

¹¹ Полный текст речи приводится в книге Адамса (2003) под заголовком *Is there an artificial God?*

были квакерами, – и все сойдет без сучка без задоринки, как бы косноязычны и неграмотны вы ни были в теории пацифизма или даже того же квакерства.

На противоположном от пацифизма конце спектра находится малодушное нежелание давать религиозные обозначения враждующим сторонам. В Северной Ирландии католиков и протестантов именуют вместо этого соответственно националистами и лоялистами. Термин «религии» заменили малозначашим «группировки», как, например, в выражении «война между группировками». В результате англо-американского вторжения в Ирак в 2003 году разгорелась межрелигиозная гражданская война между сторонниками суннитской и шиитской ветвей мусульманства. Налицо бесспорно религиозный конфликт, однако в редакционной статье (и ее заголовке) газеты «Индепендент» от 20 мая 2006 года он описан как «этническая чистка». «Этнический» в данном контексте – очередное сглаживание. То, что происходит в Ираке, – это религиозная чистка. Первоначальное употребление выражения «этническая чистка» в бывшей Югославии также можно считать эвфемизмом религиозного конфликта между православными сербами, католиками-хорватами и мусульманами-боснийцами¹².

Я уже раньше говорил о привилегиях, предоставляемых религии во время общественных обсуждений этических вопросов в средствах массовой информации и в правительстве¹³. Когда начинается дискуссия по спорным с моральной точки зрения сексуальным или репродуктивным вопросам, можете не сомневаться, что в состав влиятельных комитетов, в дискуссионные панели радио- и телепередач непременно будет включено несколько религиозных лидеров различных вероисповеданий. Я не предлагаю подвергать взгляды этих людей цензуре. Но почему в нашем обществе принято обращаться именно к ним, будто они обладают специальными познаниями в этих вопросах, сравнимыми, например, с профессиональными знаниями философа-моралиста, юриста по семейным вопросам или врача?

Вот еще один пример странного потакания религии. 21 февраля 2006 года Верховный суд США постановил освободить церковь в штате Нью-Мексико от закона, распространяющегося на всех остальных, который запрещает употребление галлюциногенных наркотиков¹⁴. Ревностные последователи церкви Centro Espirita Beneficiente Uniao do Vegetal верят, что могут общаться с богом, только употребляя чай под названием оаска, содержащий запрещенный галлюциногенный наркотик диметилтриптамин. Обратите внимание: достаточно того, что они *верят* тому, что наркотик помогает им стать ближе к богу. Они не обязаны представлять доказательства. С другой стороны, имеется множество доказательств того, что марихуана уменьшает тошноту и негативные симптомы, испытываемые раковыми больными во время курса химиотерапии. Тем не менее Верховный суд в 2005 году постановил, что любой пациент, использующий марихуану в медицинских целях, может подвергнуться преследованию со стороны федеральных властей (даже в тех нескольких штатах, где специфическое использование марихуаны разрешено). Как всегда, религия является козырной картой. Представьте себе общество любителей искусства, которое обращается в суд с заявлением о своей «вере» в то, что для лучшего понимания картин импрессионистов или сюрреалистов им необходимы галлюциногенные наркотики. Когда же церковь делает подобный запрос, ее поддерживает Верховный суд страны. Таким почтением окружены культовые проявления.

Семнадцать лет назад журнал «Новый политик» попросил меня выступить совместно с другими тридцатью шестью писателями и художниками в поддержку выдающегося писателя Салмана Рушди¹⁵, которому в то время был вынесен смертный приговор за написание романа. Возмущившись «симпатией», выражаемой христианами лидерами и даже неко-

¹² Perica (2002). Также см.: http://www.historycooperative.org/journals/ahr/108.5/br_151.html.

¹³ *Dolly and the cloth heads* (Dawkins, 2003).

¹⁴ <http://scotus.ap.org/scotus/04-1084p.zo.pdf>.

¹⁵ R. Dawkins. *The irrationality of faith*. New Statesman (London), 31 March 1989.

торыми светскими законодателями умов по поводу «обиды» и «оскорбления», нанесенных мусульманам, я провел следующую параллель:

Если бы сторонники расовой сегрегации были поумнее, они бы заявили – насколько мне известно, не кривя при этом душой, – что смешение рас противоречит их религии. Большая часть оппозиции тут же почтительно удалилась бы на цыпочках. И не нужно заявлять, что это несправедливое сравнение, потому что и у расовой сегрегации нет рационального обоснования. Аналогично этому главным постулатом религиозной веры, силой ее и вящей славой служит то, что от нее не требуется рационального обоснования. Остальным нам приходится отстаивать свои убеждения. Но попроси верующего обосновать его веру – и тебя обвинят в посягательстве на «свободу совести».

Тогда я не знал, что очень сходное событие случится уже в XXI веке. В газете «Лос-Анджелес таймс» (10 апреля 2006 года) рассказывалось, что в студенческих городках США многочисленные христианские группы подают в суд на свои университеты за то, что те внедряют правила, запрещающие дискриминацию, в том числе оскорбление и нападение на представителей сексуальных меньшинств. Вот типичный пример: в 2004 году Джеймс Никсон, двенадцатилетний подросток из штата Огайо, выиграл в суде право носить в школу футболку с надписью «Гомосексуализм – грех, ислам – ложь, аборт – убийство. Двух мнений быть не может»¹⁶. Школьные власти запретили ему появляться в классе в этой футболке, и родители подали на школу в суд. Позицию родителей еще можно было бы как-то понять, если бы она основывалась на Первой поправке к конституции, гарантирующей свободу слова. Но нет! Хотя это бы и не прошло, потому что свобода слова исключает «пропаганду ненависти». Однако стоит доказать, что ненависть носит *религиозный* характер, и она уже не рассматривается как ненависть. Поэтому вместо свободы слова юристы Никсона взымали к конституционному праву на *свободу совести*. При поддержке Объединенного фонда защиты Аризоны, задачей которого является «юридическая битва за свободу религии», они выиграли процесс.

Поддерживая волну аналогичных христианских судебных процессов, затеянных с целью утверждения религии в качестве легального оправдания дискриминации против гомосексуалистов и других групп, преподобный Рик Скарборо назвал их борьбой за гражданские права XXI века: «Христиане выступают за право быть христианами»¹⁷. Повторю еще раз: если бы эти люди выступали за свободу слова, можно было бы, пусть и с оговорками, им симпатизировать. Но речь не о том. Встречный судебный процесс в защиту дискриминации гомосексуалистов ведется якобы против нарушения религиозных прав! И очевидно, что закон с этим согласен. Вам не позволят заявить: «Запрещая мне оскорблять гомосексуалистов, вы ущемляете мои права». Но вы выиграете, если скажете: «Вы ущемляете мою свободу вероисповедания». А в чем, если задуматься, разница? Опять религия берет верх.

Я закончу главу рассмотрением конкретного примера, наглядно демонстрирующего преувеличенное, вплоть до попирания обычного уважения к человеку, почтение общества к религии. Это случилось в феврале 2006 года – глупейший эпизод, попеременно превращающийся то в комедию, то в трагедию. В сентябре 2005 года датская газета «Юлландс постен» напечатала двенадцать карикатур, изображающих пророка Мухаммеда. В течение трех следующих месяцев небольшая группа проживающих в Дании мусульман, возглавляемая двумя получившими там убежище имамами, настойчиво и умело разжигала негодование в странах мусульманского мира¹⁸. В конце года злонамеренные изгнанники отправились из Дании в Египет с

¹⁶ Columbus Dispatch, 19 Aug. 2005.

¹⁷ Los Angeles Times, 10 April 2006.

¹⁸ <http://gatewaypundit.blogspot.com/2006/02/islamic-society-of-den-mark-used-fake.html>.

папкой, содержание которой скопировали и распространили в мусульманских странах, включая, что немаловажно, Индонезию. В папке были фальсифицированные документы о якобы несправедливом обращении с мусульманами в Дании и намеренная ложь о том, что «Юлландс постен» является рупором правительства. В ней также было двенадцать карикатур, к которым – отметим важную деталь – имамы присоединили еще три изображения неизвестного происхождения, не имеющие абсолютно никакого отношения к Дании. В отличие от первых двенадцати, эти добавочные картинки были действительно оскорбительными – или были бы, если бы на них, как утверждали рьяные агитаторы, изображался пророк Мухаммед. Самой отвратительной из трех была даже не карикатура, а ксерокопия фотографии бородатого мужчины с карнавальным свиным пяточком. Впоследствии выяснилось, что на этой сделанной агентством Ассошиэйтед Пресс фотографии изображался француз – участник состязания по пороссячьему визгу на одной из деревенских ярмарок во Франции¹⁹. Никакого отношения ни к пророку Мухаммеду, ни к исламу, ни к Дании фотография не имела. Но, предпринимая пропагандистскую поездку в Египет, мусульманские активисты представили документы так, чтобы наметить на все указанные связи... с легкопредсказуемыми результатами.

Через пять месяцев после публикации двенадцати карикатур тщательно спланированная «обида» и «оскорбление» вызвали взрыв ярости. Демонстранты в Пакистане и Индонезии жгли датские флаги (интересно, где они их взяли?), раздавались истеричные требования извинений от датского правительства. (Извинений за что? Датчане не рисовали карикатур и не публиковали их. Просто они живут в стране со свободной прессой, и, возможно, гражданам многих мусульманских стран трудно это понять.) Норвежские, немецкие, французские и даже американские (но, заметьте, не английские) газеты перепечатали карикатуры в знак солидарности с «Юлландс постен», что только подлило масла в огонь. Начались погромы посольств и представительств, бойкот датских товаров, угрозы физической расправы с гражданами Дании и представителями Запада в целом; в Пакистане жгли христианские церкви, не имеющие никаких связей с Данией или Европой. Во время нападения и поджога ливийскими демонстрантами итальянского консульства в Бенгази было убито девять человек. Как писала Джермейн Грир, больше всего эта публика любит заварушки и знает в них толк²⁰.

За голову «датского карикатуриста» пакистанский имам назначил цену в один миллион долларов США, – по-видимому, он не знал, что карикатуры рисовали двенадцать разных художников, и уж наверняка не подозревал, что три самых оскорбительных изображения вообще не печатались в Дании (а кстати, откуда бы поступил этот миллион?). В Нигерии мусульманские участники протеста против датских карикатур сожгли ряд христианских церквей и изрубили на улицах ножами нескольких христиан (чернокожих нигерийцев). Одного из них затолкали в резиновую шину, облили бензином и подожгли. В Великобритании демонстранты несли плакаты с надписями: «Смерть оскорбителям ислама», «Зарубим насмешников над исламом», «Европа, ты умрешь: гроза близится» и – по-видимому, без намеренной иронии – «Обезглавим считающих ислам религией насилия».

После описанных событий журналист Эндрю Мюллер взял интервью у ведущего «умеренного» британского мусульманина сэра Икбала Сакрани²¹. Возможно, по меркам современного ислама он и является умеренным, но в репортаже Эндрю Мюллера тем не менее поражает замечание, сделанное Сакрани по поводу вынесенного Салману Рушди за написание книги смертного приговора: «Пожалуй, смерть для него – слишком легкое наказание». Эта фраза постыдным образом отличает позицию говорящего от твердых взглядов его мужественного предшественника на посту «самого влиятельного британского мусульманина», покойного док-

¹⁹ http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4686536.stm; <http://www.neandernews.com/?cat=6>.

²⁰ Independent, 5 Feb. 2006.

²¹ Andrew Mueller. *An argument with Sir Iqbal*. Independent on Sunday, 2 April 2006, Sunday Review section. P. 12–16.

тора Заки Бадави, предложившего Салману Рушди убежище в своем доме. Сакрани сказал Мюллеру, что очень обеспокоен датскими карикатурами. Мюллер тоже был обеспокоен, но по другой причине: «Меня беспокоит то, что непристойная, выходящая за рамки разумного реакция на несмешные рисунки в неизвестной скандинавской газете заставит людей поверить, что... ислам и Запад разделяет непреодолимая пропасть». Сакрани же выражал свое одобрение британским газетам, не перепечатавшим карикатуры, на что Мюллер осторожно выразил разделяемое всей нацией подозрение, что это было сделано «не столько из уважения к чувствам мусульман, сколько из желания уберечь оконные стекла».

Сакрани объяснил, что «личность пророка, да будет мир ему, почитается в мусульманском мире исключительно высоко; любовь и почтение к нему трудно выразить словами. Они превышают любовь к родителям, к супругам, к детям. Это часть веры. Также в исламе существует запрет на изображение пророка». Но это, по замечанию Мюллера, подразумевает, что:

Ценности ислама должны главенствовать над ценностями остальных – и последователи ислама именно так и полагают, аналогично тому, как сторонники любой другой религии верят, что только им известен истинный путь, свет и правда. Если людям хочется любить жившего в VII веке проповедника больше, чем собственные семьи, это их дело, но другим вовсе не обязательно принимать это всерьез...

Беда только в том, что, если вы не принимаете это всерьез и не ведете себя соответствующим образом, вам угрожают физической расправой в масштабе, которого ни одна из религий не знала со времен Средневековья. Остается удивляться, зачем нужно подобное насилие, учитывая, как пишет Мюллер, что «если ваши клоуны хоть в чем-то правы, карикатуристы все равно попадут в ад – разве этого не достаточно? А тем временем, если вы так печетесь о вреде, наносимом репутации мусульман, почитайте отчеты „Международной амнистии“ о Сирии и Саудовской Аравии».

Многие заметили контраст между истерической «обидой», выказанной мусульманами, и готовностью, с какой арабские средства массовой информации печатают стереотипные антиеврейские карикатуры. На проводимой в Пакистане демонстрации против датских рисунков было сделано фото женщины в черной парандже, несущей плакат с надписью «Боже, благослови Гитлера».

В ответ на весь этот нелепый скандал порядочные либеральные газеты осудили насилие, сделали дежурные заявления о свободе слова и в то же время выразили «уважение» и «симпатию» глубокой «обиде» и «страданиям», причиненным мусульманам. Эти «обида» и «страдания», не забывая, не были болью или насилием, причиненными какому-либо человеку; всего лишь несколько капель чернил в газете, о которой никто за пределами Дании и не услышал бы, если бы не преднамеренная кампания подстрекательства к насилию.

Я не сторонник оскорбления или причинения страданий ради страданий. Но меня поражает и удивляет непропорционально привилегированное положение религии в наших, во всех других отношениях светских, обществах. Политикам всех мастей приходится мириться с неуважительными изображениями собственных физиономий, и никто не устраивает по этому поводу погромов. Так что же особенное заключено в религии, что мы отдаем ей такое необычно почтительное уважение? Как сказал Г. Л. Менкен, «мы должны уважать религию ближнего, но только таким же образом и настолько же, насколько мы уважаем его мнение о том, что его жена – красавица, а его дети – вундеркинды».

Продемонстрировав, как религиям достается непомерное, заранее обеспеченное уважение, я хочу в этой связи пообещать следующее касательно моей книги. Я не буду стараться никого намеренно оскорбить, но и не собираюсь надевать белые перчатки и выказывать более почтения религии, чем сделал бы это в отношении любых других предметов исследования.

Глава вторая

Гипотеза бога

Религия одного века – это художественная литература другого.
Ральф Уолдо Эмерсон

Ветхозаветный бог является, возможно, самым неприятным персонажем всей художественной литературы: гордящийся своей ревностью ревнивец; мелочный, несправедливый, злопамятный деспот; мстительный, кровожадный убийца-шовинист; нетерпимый к гомосексуалистам, женоненавистник, расист, убийца детей, народов, братьев, жестокий мегаломан, садомазохист, капризный, злобный обидчик. У тех из нас, кто познакомился с ним в раннем детстве, восприимчивость к его ужасным деяниям притупилась. Но новичок, особенно не утративший свежести впечатлений, способен увидеть картину во всех подробностях. Каким-то образом получилось, что сын Уинстона Черчилля, Рэндольф, сумел остаться в неведении о содержании Священного Писания до тех пор, пока оказавшиеся вместе с ним в военном лагере Ивлин Во и другой однополчанин, тщетно пытаясь как-то от него отделаться, не поспорили с молодым Черчиллем, что он не сможет одолеть Библию за пару недель. «К сожалению, результат оказался не таким, как мы ожидали. Он никогда раньше не видел ни строчки из Библии и пришел в ужасное возбуждение – непрерывно зачитывал нам вслух цитаты, восклицая: „Могу поспорить, вы и не подозревали, что в Библии такое может быть!“ Или просто хлопал себя по бокам и фыркал: „Боже, какое же дерьмо этот бог!“»²² Томас Джефферсон, будучи гораздо лучше начитанным, придерживался аналогичного мнения: «Христианский бог – ужасно неприятное создание: жестокий, мстительный, капризный и несправедливый».

Но нечестно нападать на такую легкую жертву. Правомерность гипотезы бога не стоит оценивать на основе качеств ни ее самого неприятного воплощения – Яхве, ни его пресной противоположности – «добротного, кроткого и безропотного Иисуса». (По справедливости нужно признать, что этот бесхарактерный образ обязан своим существованием больше викторианским христианам, нежели самому Христу. Что может быть тошнотворнее, чем стишок госпожи С. Ф. Александер: «Деткам нужно Иисуса любить, / Как он, послушными, добрыми быть»?) Я не собираюсь нападать на личные качества Яхве, или Иисуса, или Аллаха, или любого другого отдельного божества, такого как Ваал, Зевс или Один. Вместо этого дадим гипотезе бога более четкое определение: «*Существует сверхчеловеческий, сверхъестественный разум, который намеренно задумал и сотворил Вселенную и все, что в ней находится, включая нас*». В данной книге я отстаиваю другую точку зрения: «*Любой творческий разум, достаточно сложный, чтобы что-либо замыслить, может появиться только в результате длительного процесса постепенной эволюции*». Творческие мыслящие существа, будучи продуктами эволюции, неизбежно появляются во Вселенной на более позднем этапе и, следовательно, не могут быть ее создателями. Согласно данному определению, бог – это иллюзия, и, как станет ясно из последующих глав, довольно пагубная.

Поскольку гипотеза бога проистекает из местных традиций или личных откровений, неудивительно, что существует огромное количество ее разновидностей. Историки религий описывают ее развитие от примитивного родового анимизма к многобожию греков, римлян и скандинавов, а также единобожию иудеев и его производных – христианству и исламу.

²² Mitford and Waugh (2001).

Многобожие

Трудно сказать, почему переход от многобожия к единобожию сам по себе считается прогрессивным, позитивным событием. Но это широко распространенное мнение, о котором Ибн Варрак (автор книги «Почему я не мусульманин») остроумно заметил, что следующим этапом на пути развития единобожия будет отказ еще от одного бога и переход к атеизму. Католическая энциклопедия отмечает многобожие и атеизм одним беззаботным взмахом руки: «Формальный догматический атеизм является самоопровержимым и никогда не привлекал de facto значительного числа логически мыслящих сторонников. И, как ни велико может оказаться влияние многобожия на воображение масс, разум философа оно удовлетворить не в состоянии»²³.

До недавнего времени превосходство единобожия в ущерб многобожеским религиям было официально закреплено в законодательстве о благотворительности Англии и Шотландии: пожертвования, нацеленные на пропаганду единобожеской религии, освобождались от налогообложения, что позволяло весьма легко распоряжаться этими суммами по сравнению с пожертвованиями светским благотворительным учреждениям, вынужденным по закону подвергаться тщательным проверкам. Я до сих пор лелею надежду убедить членов почтенной индуистской общины Великобритании выступить с гражданским иском и бросить вызов высокомерной дискриминации многобожия.

Куда как лучше, конечно, было бы совсем запретить пропаганду религии в качестве повода для благотворительности. Общество бы от этого получило огромную пользу, особенно в Соединенных Штатах, где поглощаемые церквями, умащающие головы и без того достаточно умасленных телевизионных проповедников суммы не облагаемых налогами пожертвований достигают поистине бессовестных размеров. Однажды некто с уместным именем Орал Робертс заявил телезрителям, что господь умертвит его, если они – паства – не пожертвуют ему восемь миллионов долларов. Невероятно, но они пожертвовали. И это доход без вычета налогов! Робертс по-прежнему процветает и основал университет Орала Робертса в городе Тулса, штат Оклахома. Заказчиком зданий, оцениваемых в 250 миллионов долларов, оказался сам господь, выразивший свое пожелание в следующих словах: «Воспитай студентов, чтобы они слышали мой глас и шли туда, где тускл мой свет, где слаб мой голос, где неизвестна моя целительная сила, – даже на край земли. Их труды превзойдут твои, и этим я возрадуюсь».

С другой стороны, мой воображаемый индуистский истец мог бы поступить согласно поговорке: «С волками жить – по-волчьи выть». Его многобожие можно классифицировать как завуалированное единобожие. Есть только один бог – а господь Брахма-создатель, господь Вишну-хранитель, господь Шива-разрушитель, госпожи Сарасвати, Лакшми и Парвати (жены Брахмы, Шивы и Вишну), господь Ганеша со слоновьей головой и сотни других являются лишь различными проявлениями и воплощениями одного бога.

Христиане, скорее всего, примут такую софистику тепло. Во время дебатов о таинстве Троицы и при подавлении ереси ариан пролились реки средневековых чернил, не говоря уже о крови. В IV веке нашей эры Арий Александрийский отрицал, что Иисус был единосущным (то есть имел единую сущность, или суть) с богом. Вы, возможно, спросите, о чем, собственно, идет речь. Сущность? Что такое сущность? И что подразумевается под сущью? Пожалуй, единственным вразумительным ответом будет: не так уж много. Однако эта полемика расколола христианство пополам на целое столетие, и по приказу императора Константина все книги Ария были сожжены. Видимо, в попытках докопаться до сути теологии вечно суждено подкапываться под основы христианства.

²³ <http://www.newadvent.org/cathen/06608b.htm>.

Так что же мы имеем – одного бога в трех частях или трех богов в одной? Вопрос проясняется следующим шедевром богословского логического рассуждения из Католической энциклопедии:

В единстве Божественной сущности заключены три лица, Отец, Сын и Дух Святой, – отличные друг от друга Божественные существа. То есть, как сказано в Афанасьевом символе веры, «Отец есть Бог, Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог. Хотя они являются не тремя Богами, но одним Богом».

И если вышесказанное для вас недостаточно ясно, энциклопедия приводит цитату из трудов богослова III века святого Григория Чудотворца:

Посему нет в Троице ничего ни сотворенного, ни служебного, ни привнесенного, как бы прежде не бывшего, потом же превзошедшего; ибо ни Отец никогда не был без Сына, ни Сын без Духа, но непреложна и неизменна – всегда та же Троица.

Какими бы чудесами ни заработал Григорий Чудотворец свое прозвище, чудо ясности изложения мыслей в их число не входит. Его речь служит образчиком характерно невнятного, малоразборчивого богословия, не продвинувшегося, в отличие от науки и большинства других областей человеческой эрудиции, за последние восемнадцать столетий ни на шаг. И еще раз прав был Томас Джефферсон, заявляя:

Бессмысленные высказывания нужно высмеивать. Прежде чем за дело может взяться ум, мысль необходимо четко сформулировать; но ни у кого никогда не было четкого определения Троицы. Это просто абракадабра шарлатанов, именующих себя священниками Иисусовыми.

И не могу не отметить поразительную самоуверенность, с которой верующие предлагают вниманию точнейшие подробности, относительно которых у них нет и не может быть никаких доказательств. Вероятно, именно факт отсутствия доказательств в поддержку богословских мнений служит причиной характерной враждебной нетерпимости, проявляемой к сторонникам даже слегка отличных взглядов, особенно, как повелось, в вопросе о триединстве.

Джефферсон высмеял положение о, как он выразился, «трех богах» в своей критике кальвинизма. Посмотрим теперь, как непрекращающееся заигрывание с идеей многобожества приводит римско-католическую ветвь христианства к безудержной инфляции. К Троице присоединяется Мария, «царица небесная», – богиня во всем, кроме наименования, которая по количеству обращаемых к ней молитв уступает только самому богу. Затем пантеон пополняется армией святых, заступническая сила которых делает их если и не полубогами, то кандидатами на это звание в областях их специализации. На форуме католического сообщества услужливо перечислены 5120 святых – экспертов по разным вопросам²⁴, включая боли в животе, помощь жертвам нападений, потерю аппетита, продажу оружия, кузнечное дело, переломы костей, изготовление бомб, нарушения работы кишечника – и все это только до буквы «В» латинского алфавита. Кроме того, нельзя забывать три триады ангельской иерархии, разделенные на девять чинов: серафимов, херувимов, престолы, господства, силы, власти, начала, архангелов (начальников над ангелами) и старых добрых ангелов, включая наших близких знакомцев, вечно оберегающих нас ангелов-хранителей. Что меня поражает в католической мифологии, так это не только безвкусный китч, но больше всего – равнодушная беспечность, с которой они изобретают подробности по ходу дела. Просто бессовестно выдумывают.

Папа Иоанн Павел II причислил к лику святых и блаженных больше людей, чем все его предшественники за предыдущие несколько столетий; особенно он почитал Деву Марию. Его

²⁴ <http://www.catholic-forum.com/saints/indexsnt.htm?NF=I>.

многобожеские симпатии ярко проявились в 1981 году, когда после происшедшего в Риме покушения на его жизнь он приписал свое спасение вмешательству Фатимской богородицы: «Рука Божьей Матери отвела пулю». Невольно возникает вопрос, почему она не отвела пулю совсем. Кому-то может показаться, что команда хирургов, оперировавшая папу в течение шести часов, также заслуживает толику признания, хотя, может, и их руками водила божья мать. Но что интересно, так это убеждение папы, что пулю отвела не просто богородица, а именно Фатимская богородица. Видимо, Лурдская, Гвадалупская, Междугорская, Аkitская, Зейтунская, Гарабандальская и Нокская богоматери были заняты в то время другими делами.

Как справлялись с многобожескими головоломками греки, римляне и викинги? Венера – это одно из имен Афродиты или это совершенно другая богиня любви? Тор с молотом – воплощение Вотана или отдельное божество? Какая разница? Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на отделение одного порождения фантазии от другого. Бегло коснувшись, чтобы не подвергаться упрекам в небрежности, многобожия, я не буду о нем больше говорить. Для краткости я буду называть все божества – как моно-, так и политеистические – просто «богом». Также, поскольку известно, что бог Авраама является агрессивно (мягко выражаясь) мужским началом, местоимения, исходя из этого, будут употребляться в мужском роде. Более изощренные богословы провозглашают бесполое начало бога, а некоторые женщины-богословы – сторонницы феминизма, пытаясь побороть историческую несправедливость, объявляют бога женщиной. Но, в конце концов, какая разница между несуществующим лицом мужского или женского пола? Возможно, однако, что в странной сфере переплетения богословия и феминизма реальность объекта становится менее существенной, чем его пол.

Хорошо понимаю, что критиков религии можно упрекнуть в неуважении к богатому разнообразию так называемых религиозных традиций и теорий мироустройства. Поразительная феноменология суеверий и ритуалов блестяще отражена в таких антропологически достоверных книгах, как «Золотая ветвь» Джеймса Фрейзера, «Объяснение религии» Паскаля Бойера или «Веруем в богов» Скотта Атрона. Читайте их, чтобы изумиться, насколько велика человеческая доверчивость.

Но эта книга – о другом. Я порицаю веру в сверхъестественное во всех ее проявлениях и самым эффективным способом критики полагаю сосредоточить внимание на наиболее знакомой читателям и наиболее опасной для общества ее форме. Большинство моих читателей выросли в лоне одной из трех современных «великих» религий (четырех, если считать монотеизм), ведущих начало от легендарного патриарха Авраама, поэтому в данной книге стоит прежде всего говорить об этой группе традиций.

Пожалуй, нужно сразу сделать одно отступление, чтобы ответить на возражение, которое непременно – как день непременно сменяет ночь – возникнет в рецензиях на книгу: «Я тоже не верю в того бога, про которого пишет Докинз. Я не верю в живущего на небе белобородого старика».

Этот старик – просто надоевший камуфляж, завешивающий длинной бородой далеко не безобидную проблему. Своей вопиющей нелепостью этот знакомый образ отвлекает внимание от того, что настоящие убеждения говорящего ненамного разумнее. Конечно, я знаю, что вы не верите в сидящего в облаках старика, давайте не будем тратить на это больше времени. Я не нападаю на определенный тип бога или богов. Моя мишень – бог, все боги, все сверхъестественное, где бы оно ни было или ни будет изобретено.

Единобожие

Единобожие – это огромное, замалчиваемое, таящееся в центре нашей культуры зло. Из варварского текста под названием Ветхий Завет эпохи бронзового века возникли три античеловеческие религии – иудаизм, христианство и ислам. Это религии небесного божества. Они в буквальном смысле патриархальны: бог является сущим отцом – и отсюда проистекает двухтысячелетнее презрение к женщинам в тех странах, где правит небесное божество и его земные представители мужского рода.

Гор Видал

Самой старой из трех Авраамовых религий и, несомненно, прародительницей двух остальных является иудаизм, зародившийся как племенной культ одного очень неприятного бога, патологически озабоченного сексуальными запретами, запахом жженой плоти, собственным превосходством над другими богами и исключительностью избранного им кочевого племени. Во время оккупации римлянами Палестины Павел из Тарса основал христианство в качестве менее строго единобожеской и менее замкнутой версии иудаизма, обращенной не только к евреям, но и ко всему остальному миру. Несколько веков спустя Мухаммед и его сторонники, возвратившись к первоначальному безусловному единобожию иудаизма, но отбросив идею исключительности, учредили на основе новой священной книги, Корана, ислам, добавив в него выигрышную идею распространения новой религии путем военных побед. Христианство также распространялось посредством меча; сначала, вслед за возвышением его императором Константином из странного культа до официальной религии – руками римлян, потом – крестоносцами, а позднее – конкистадорами и другими европейскими колонизаторами и захватчиками, сопровождаемыми миссионерами. Для своих целей я буду рассматривать все три Авраамовы религии вместе, без различия. В отсутствие специальных оговорок условимся, что, как правило, я имею в виду христианство, но только потому, что я знаком с этой версией больше, чем с другими. Для предмета моего обсуждения сходство между данными религиями важнее, чем различие. Также я не буду касаться таких религий, как буддизм или конфуцианство. Их, пожалуй, легко можно считать даже не религиями, а системами этики или жизненной философией.

Для более полного описания Авраамова творца упрощенное определение гипотезы бога, с которого я начал главу, нужно развить. Авраамов бог не только создал Вселенную; он – обитающий в ней или за ее пределами (что бы это ни означало) персонифицированный бог с набором уже упомянутых выше неприятных человеческих черт характера.

Деистскому богу Вольтера или Томаса Пейна человеческие черты – приятные или неприятные – несвойственны вообще. По сравнению с неумным психопатом из Ветхого Завета деистский бог XVIII века, эпохи Просвещения, представляет собой гораздо более возвышенное существо, достойное своего космического детища, не обращающее в своем величии внимания на людские заботы, высокомерно отрешенное от наших мыслей и чаяний и безразличное к постыдным грешкам и запутанным оправданиям. Деистский бог – присный и во веки веков физик, альфа и омега математики, апофеоз творческого гения; Верховный Инженер, установивший и отладивший с филигранной точностью законы и константы Вселенной, устроивший то, что мы называем нынче «Большим взрывом», а затем удалившийся на покой и больше никогда о себе не заявлявший.

В более религиозные эпохи деисты подвергались таким же преследованиям, как и атеисты. В книге «Вольнодумцы» Сьюзен Джакоби приводит перечень обрушиваемых на голову бедного Томаса Пейна эпитетов: «Иуда, змея, свинья, бешеный пес, вошь, пропойца, чудовище, тварь, лжец и, конечно, безбожник». Пейн умер в нужде, покинутый всеми бывшими сорат-

никами по политической борьбе (за исключением благородного Джефферсона), которых смущало его антихристианское мировоззрение. Нынче ситуация изменилась настолько, что дей-
ствов чаще противопоставляют атеистам и объединяют в один лагерь с верующими. В конце концов, они же верят в создавший Вселенную верховный разум.

Секуляризация, «отцы-основатели» и религия Америки

Бытует мнение о том, что американские «отцы-основатели» были деистами. Это, безусловно, так, хотя некоторые полагают, что самые знаменитые из них могли быть атеистами. Их высказывания тех лет о религии убеждают меня в том, что в наше время большинство из них придерживалось бы атеистического мировоззрения. Но каковы бы ни были их убеждения в то время, все они без исключения являлись антиклерикалами, и именно об этом я хочу поговорить в данном разделе, начав его, возможно неожиданно, словами сенатора Барри Голдуотера, произнесенными в 1981 году и ярко демонстрирующими, как упорно этот кандидат на пост президента и яростный поборник американского консерватизма защищал антиклерикальные традиции, заложенные в основу республики:

Ни в чем люди не упорствуют так сильно, как в вопросе религиозных верований. В любом споре не найти единомышленника надежнее, чем Иисус Христос, бог, Аллах или кто угодно еще, кого считают верховным судьей. Но, подобно любому другому мощному оружию, имя бога в своих интересах нужно использовать с оглядкой. Возникающие в нашей стране многочисленные религиозные группировки неразумно расточают духовный запал, пытаясь принудить правительство безоговорочно разделить их позицию. Стоит выразить несогласие с этими религиозными группировками в определенных вопросах морали, они начинают жаловаться, угрожать отказом дать деньги или свои голоса – или то и другое.

Честно скажу, меня тошнит от этих расплодившихся по всей стране политизированных проповедников, твердящих, что, если я хочу быть добропорядочным гражданином, я должен верить в А, Б, В и Г. Кто они такие, чтобы мне указывать? Почему они считают, что имеют право навязывать мне свои моральные убеждения? И еще больше меня, как законодателя, злят угрозы разных религиозных групп, считающих, что у них есть богоданное право при каждом голосовании в сенате контролировать мой голос. Сегодня я хочу прямо их предостеречь: если под маской консерватизма они станут навязывать свои моральные убеждения всем американцам, я буду беспощадно с ними сражаться²⁵.

Религиозные убеждения «отцов-основателей» сильно интересуют современных американских пропагандистов правого толка, пытающихся протолкнуть свою версию истории. Но, вопреки их взглядам, тот факт, что Соединенные Штаты не были основаны как христианская нация, был записан в условия составленного во время президентства Джорджа Вашингтона, в 1796 году, договора с Триполи, подписанного Джоном Адамсом в 1797 году:

Поскольку правительство Соединенных Штатов Америки ни в каком смысле не основано на базе христианской религии, – и поскольку оно не имеет никакой враждебности по отношению к законам, религии или общественному спокойствию мусульман – и поскольку указанные выше (Соединенные) Штаты никогда не участвовали в войне или во враждебных актах против какой-либо магометанской нации, ниже участниками договора заявляется, что никакой повод, проистекающий из (различных) религиозных воззрений, не вызовет когда-либо перерыва в гармонии, существующей между двумя странами.

²⁵ Congressional Record, 16 Sept. 1981.

Начало этой цитаты вызвало бы бурный протест нынешней вашингтонской верхушки. Однако Эд Бакнер убедительно доказал, что в свое время оно не вызвало возмущения²⁶ ни среди членов правительства, ни среди населения.

Давно уже отмечена странность того, что основанные как светское государство Соединенные Штаты в настоящее время являются самой религиозной страной христианского мира, в то время как Великобритания с устоявшейся, возглавляемой конституционным монархом церковью – одна из наименее религиозных. Меня постоянно спрашивают, почему это так, но я не знаю. Возможно, Англия просто устала от религии после нескольких столетий ужасных религиозных распрей, в течение которых протестанты и католики попеременно брали верх и истребляли оппонентов. Другим объяснением может оказаться то, что Америка – это нация иммигрантов. Как полагает мой коллега, европейские переселенцы, покинув стабильность и уют родного очага, тянулись на чужой земле к церкви как к суррогатной семье. Возможно, эту идею стоит исследовать подробнее. Не вызывает сомнения, что для многих американцев принадлежность к местной церкви является важным элементом отождествления, действительно напоминающим родственные связи.

Согласно другой гипотезе, религиозность американцев проистекает, как это ни странно, из антиклерикализма конституции. Именно потому, что в юридическом отношении Америка является светским государством, религия превратилась в своего рода частное предпринимательство. Конкурирующие церкви стараются переманить друг у друга паству – вместе с толстыми кошельками; при этом в ход пускается весь арсенал агрессивных рыночных уловок. Приемы рекламы стирального порошка помогают рекламировать и бога; в результате налицо почти маниакальная религиозность среди слабообразованных классов. В Англии же, наоборот, под сенью прочно укоренившейся церкви религия превратилась в почти полностью утраченное религиозные признаки времяпрепровождение в приятной компании – не более того. Эту английскую традицию замечательно выразил в газетной статье («Гардиан») Джэйлс Фрейзер, англиканский священник, попутно – преподаватель философии в Оксфорде. Подзаголовок статьи звучал так: «Англиканская церковь изъяла бога из религии, но в более энергичном подходе к вопросам веры кроется опасность»:

Было время, когда сельский священник составлял неперемнную, яркую принадлежность английской сцены. Вежливый, чудаковатый любитель чая с мягкими манерами, в начищенных ботинках, он представлял собой религиозный тип, в присутствии которого атеисты не чувствовали себя неловко. Он не впадал в экзальтацию, не прижимал собеседника к стене, допытываясь, уверен ли тот в своем спасении, а уж тем более не обрушивал с кафедр громы на головы и неверцев и не закладывал на дорогах мины во славу всевышнего²⁷.

(И опять мелькает тень героя-авиатора из стихотворения Бетджемена «Наш падре», процитированного в главе 1.) Далее Фрейзер пишет, что, «по сути дела, добрый деревенский священник послужил огромным массам англичан прививкой от христианства». В конце статьи автор с сожалением говорит о недавно возникшей в англиканской церкви тенденции вновь серьезно заниматься религиозными вопросами и в последней фразе предупреждает: «Меня беспокоит, как бы мы не выпустили джинна английского религиозного фанатизма из сосуда установившихся воззрений, в котором он дремал в течение последних столетий».

Буйство джинна религиозного фанатизма в современной Америке ужаснуло бы «отцов-основателей». Верно или нет парадоксальное утверждение, осуждающее светский характер

²⁶ http://www.stephenjaygould.org/ctrl/buckner_tripoli.html.

²⁷ Giles Fraser. *Resurgent religion has done away with the country vicar*. Guardian, 13 April 2006.

составленной ими конституции, но сами они почти наверняка были антиклерикалами, убежденными в необходимости разделения религии и политики, и этого достаточно, чтобы записать их в сторонники, например, тех, кто протестует против вывешивания Десяти заповедей в правительственных общественных зданиях. Но хочется разобраться как следует: не продвинулись ли хотя бы некоторые из «основателей» далее деизма. Может, они были агностиками или даже настоящими атеистами? Нижеследующее утверждение Джефферсона неотличимо от того, что мы нынче называем агностицизмом:

Разговор о нематериальном существовании – это разговор ни о чем. Говорить, что человеческая душа, ангелы, бог – нематериальны, то же самое, что признавать, что они – ничто, что нет ни бога, ни ангелов, ни души. Я не могу мыслить по-другому... не погрязая в бездне беспочвенных мечтаний и фантазий. Меня достаточно устраивает и занимает реальность, чтобы мучиться и беспокоиться по поводу вещей, которые, может, и существуют, но о существовании которых у меня нет сведений.

Кристофер Хитченс в биографической книге «Томас Джефферсон – творец Америки» высказывает предположение, что Джефферсон, вероятно, был атеистом даже в то время, когда быть атеистом было гораздо труднее:

Что касается того, был ли он атеистом, думаю, лучше не торопиться с выводами хотя бы потому, что в силу своего общественного положения ему приходилось проявлять осмотрительность. Но еще в 1787 году в письме к племяннику Питеру Карру он утверждал, что в поисках истины человеку не должно бояться последствий. «Если Вы придете к выводу, что Бога нет, то побуждением к добродетели будут для Вас сопряженные с добродетельными поступками радость и удовольствие, а также любовь людей, которой они Вам ответят».

И очень трогательно звучит следующий совет Джефферсона из другого письма Питеру Карру:

Страхните с себя все страхи и угодливые предрассудки, перед которыми по-рабски пресмыкаются слабые умы. Пусть руководит Вами разум,веряйте ему каждый факт, каждую мысль. Не бойтесь поставить под сомнение само существование Бога, ибо если Он есть, то ему более придется по душе свет разума, нежели слепой страх.

Такие замечания Джефферсона, как «христианство – самая извращенная система из всех, с которыми сталкивалось человечество», могут звучать из уст как деиста, так и атеиста. То же самое можно сказать и о непререкаемом антиклерикализме Джеймса Мэдисона: «Мы имели возможность пристально рассматривать юридические институты христианства в течение пятнадцати веков. И каковы их плоды? Повсюду, почти без исключения, служители церкви высокомерны и праздны, паства – невежественна и раболепна; и те и другие полны предрассудков, ханжества и ненависти к инакомыслящим». Аналогично высказывались Бенджамин Франклин («Маяки полезнее церквей») и Джон Адамс («Как хорошо было бы в мире без религии»). Адамс в особенности прославился замечательными тирадами против христианства: «Насколько я понимаю христианство, оно было и остается откровением. Но почему в результате смешения мириадом басен, мифов и легенд с иудейскими и христианскими откровениями возникла самая кровавая из когда-либо существовавших религий?» И в другом письме, на этот раз Джефферсону, автор едва не с содроганием упоминает самый трагичный в истории пример надругания над страданиями – крест. Только представьте, сколько мучений причинил этот инструмент!

Кем бы ни были Джефферсон и его коллеги – теистами, деистами, агностиками или атеистами, – они оставались убежденными антиклерикалами, твердо верящими, что религиозные убеждения президента или отсутствие таковых – это личное дело президента. Вне зависимости от собственных верований все «отцы-основатели» пришли бы в ужас, прочитав ответ Джорджа Буша-старшего, данный в интервью журналисту Роберту Шерману, когда тот спросил, признает ли он равные гражданские права и патриотизм тех из американцев, кто является атеистом: «Нет, я не считаю, что атеистов нужно считать гражданами, также их нельзя считать и патриотами. Наша нация объединена Богом»²⁸. Полагаясь на верность цитирования Шермана (к сожалению, он не записывал это интервью на диктофон, а в других газетах оно не было опубликовано), попытайтесь заменить «атеисты» в заявлении президента на «иудеи», «мусульмане» или «чернокожие». Становится очевидным уровень дискриминации и предубеждений, которым подвергаются в наше время американские атеисты. Напечатанная в газете «Нью-Йорк таймс» статья Натали Энгьер «Исповедь одинокого атеиста» – грустный и трогательный рассказ о чувстве разобщенности, которое испытывают атеисты в современной Америке²⁹. Однако это обманчивое одиночество, и его усердно усугубляют предубеждения. В Америке гораздо больше атеистов, чем кажется на первый взгляд. Как я уже говорил в предисловии, количество атеистов далеко превосходит количество религиозных евреев, и тем не менее известно, что еврейское лобби в Вашингтоне исключительно влиятельно. Представьте тогда, чего могли бы добиться при соответствующей организации атеисты!³⁰

В своей замечательной книге «Атеистическая Вселенная» Дэвид Миллз приводит историю, которую, не будь она правдивой, можно было бы отнести к числу анекдотов про ханжество полиции. В городок, где жил Миллз, ежегодно приезжал христианский целитель и устраивал «крестовый поход с чудесами». Помимо прочих советов, он призывал диабетиков выбросить инсулин, а раковых больных – отказаться от химиотерапии и вместо этого молиться о чуде. Миллз по понятным причинам захотел предостеречь людей и с этой целью организовать мирную демонстрацию. Его ошибкой было решение сообщить о своем намерении в полицию и попросить защиты на случай возможных нападений со стороны приверженцев целителя. Первый же полицейский, к которому он обратился, осведомился: «Ты, это, за нево протестовать будешь или против нево?» И когда Миллз сказал «против», полицейский заявил, что он сам идет слушать целителя и, проходя мимо демонстрации Миллза, обязательно плюнет тому в лицо.

Миллз решил попытать счастья у другого полицейского. Тот заверил, что в случае нападения сторонников целителя он арестует Миллза за «попытки помешать Божьему делу». Вернувшись домой, Миллз начал звонить в полицейский участок, надеясь найти понимание у старших чинов. В конце концов его соединили с сержантом, который сказал: «Иди к черту, парень. Ни один полицейский не будет защищать сраного атеиста. Чтоб те рожу в кровь разбили». У полиции, наряду с нехваткой навыков владения литературным языком, очевиден явный недостаток обычного человеческого сочувствия и готовности выполнять служебный долг. Миллз сообщает, что разговаривал в тот день с семьей или восьмью полицейскими; ни один из них не выразил готовности помочь, и большинство грозило ему физической расправой.

²⁸ Robert I Sherman. In *Free Inquiry* 8: 4, Fall 1988. P. 16.

²⁹ N. Angier. *Confessions of a lonely atheist*. New York Times Magazine. 14 Jan. 2001: <http://www.geocities.com/mindstuff/Angier.html>.

³⁰ Редактор журнала «Свободная мысль» Том Флинн заявляет об этом весьма убедительно (*Free Inquiry* 26: 3 2006. P. 16–17): «В разобщенности и приниженности атеистов нам нужно винить только себя. Нас много. Пора начать заявлять о себе громко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.